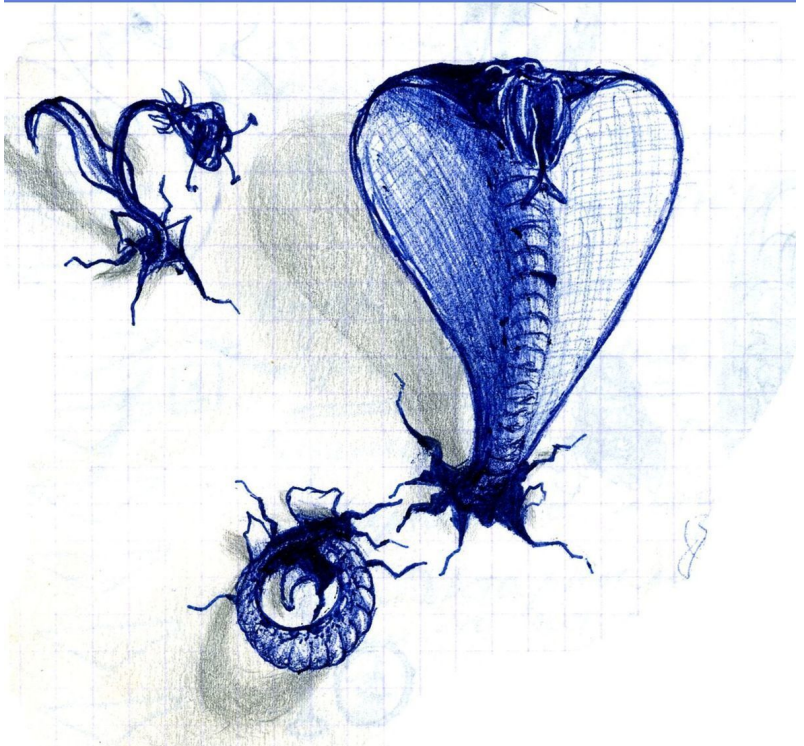

Эдуард Гайдай
Стихи

Эдуард Гайдай

СТИХИ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27813587

ISBN 9785448592171

Аннотация

Книга включает в себя стихотворения, написанные в разные годы и по разным поводам. В том числе представлены некоторые тексты песен из спектаклей.

Рисунки автора. Для широкого круга друзей.

Содержание

Скрипач	6
Ушло	8
Вечер	10
Как ни странно	12
Экскурсия в Михайловское	13
«Сквозь чашу всех лет...»	14
Гуманоид	16
Армейские	18
Восход	18
Сон	20
«В электрическом свете...»	22
«Не тони в потоке забот...»	24
В Заполярье	26
«И был ясный день...»	28
Писксимизм	30
Возвращение в жизнь	31
Банальное	31
Металл	33
В метро	34
Боюсь любить	35
Части речи	37
«Когда-то ты умел мечтать...»	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Стихи

Эдуард Гайдай

© Эдуард Гайдай, 2018

ISBN 978-5-4485-9217-1

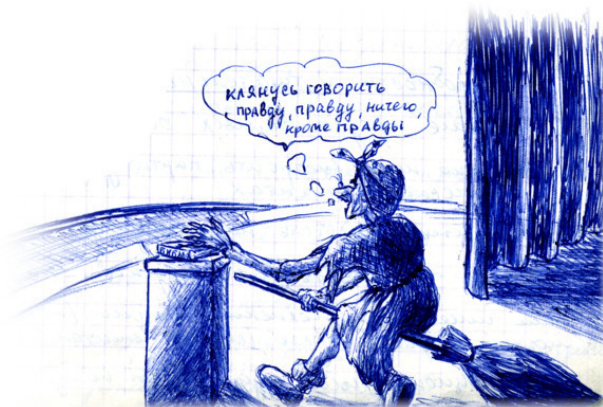
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*...Из этих виршей
многое бы вышло,*

Когда б писать ты лишнее устал...

пальцем по смартфону

Скрипач

В руки скрипку он взял,
И она осторожно запела.
И прекрасней мелодии
Ты ещё не слышал.
Только город услышал,
И зависть его одолела,
Что какой-то скрипач
Лучше города шум издавал.
И завыли машины,
Забили на башнях куранты.
Город шумно вздохнул,
Начиная привычный денёк.
И в потоке тех звуков
Исчезла игра музыканта,
И казалось, что он
Победить уже город не мог.
Долго длилась борьба,
Но скрипач и не думал сдаваться —
За искусство своё
Не жалел ни таланта, ни сил.
Город долго шумел,
И когда уже стало смеркаться,
Город понял,
Что наш музыкант победил.

Холодная ночь опустилась на город усталый.
Уснули дома, тротуары и улицы спят.
Погасли уже и глаза городские – рекламы.
И даже вокзалы не так уже сильно шумят.
Оконные ниши
 темнеют на жутких громадах,
Лишь в этом окне
 до утра не погасит он свет.
Случайный прохожий
 увидит на светлом квадрате
С уставшею скрипкой
 Твой, музыкант, силуэт.

1984

Ушло

Я не заметил
 тот момент,
 когда ушло.
И как-то стыдно
 стало удивляться.
И важных дел,
 как ни вертись,
 полным-полно.
И перестали
 песни сочиняться.
Нет больше песен —
 это знак:
 пора взрослеть,
Жить не тужить,
 пить молоко коровье...
А что ушло —
 о том забыть
 и не жалеть,
Всё наживём,
 хватило бы здоровья!
На детский бред
 давно пора
 махнуть рукой,
Ведь сам себя

пустой тоскою донял,
Взглянуть серьёзно —
так проблемы
никакой!
А что ушло,
я, собственно, не понял...

Вечер

Вечер грохочет.
Искрятся трамваи.
Лёд на канавке,
Нет лебедей.
Спичка упала.
Дымит в тротуаре.
Дым размывает
Огни фонарей.
Окна без крыши,
А облако выше.
Облако светится
Только себе.
Где-то меж ними,
В промоченной люльке
Сосульки растут,
Угрожая судьбе.
Ветер навстречу.
Всё время навстречу.
Хмурые лица.
Пот на виске.
Мечется вечер
И противоречит
Мыслям беспечным
И глупой тоске.

1995.

Как ни странно

И как ни странно, нам бывает грустно,
Когда и к нам злой приходит рок.
Тогда вокруг становится так пусто,
И даже среди друзей ты одинок.
И как ни странно, нам бывает жутко
И горько от потери этих дней.
И не прожить нам дважды ни минутки
А годы вдаль несутся всё быстрее.
И как ни странно, мы уже не дети,
Хоть нам не так уж много этих лет.
Но незаметно сладкие конфеты
Ты променял на пачку сигарет.
И как ни странно, мы грустим всё чаще
И вспоминаем прожитые дни.
И понемногу остывают страсти,
Которые недавно сердце жгли...
А мы живем, не думая об этом.
Среди всех этих странностей живём.
А мы всё верим – будет час на свете,
Когда мы эти странности поймём.

1983.

Экскурсия в Михайловское

Я посетил места святые,
Где цепи на дубах златые,
Где бесконечно молодые
Рождались строки —
Чудо света, творенья дивные поэта.
Здесь островок уединенный,
Где чувством нежным опьяненный
Под мелодичный шелест лип
Творил незлобивый пиит.
Здесь всё им полно:
Воздух, воды,
Брега, волшебный дивный сад,
И ясный день, и непогода —
Весь этот драгоценный клад,
Где правит мудрая природа,
Что некогда в уединеньи
Души внушала вдохновенье
Певцу великому свободы...

1983.

«Сквозь чашу всех лет...»

Сквозь чашу всех лет,
Сквозь мелькание дней,
Сквозь нагроможденья минут,
Вдали от больших и иных путей
Лежит этот долгий путь.
То кочки обид, то ухабы мук,
Где каждый вираж незнаком.
За взлётом здесь часто бывает спуск,
И реже за спуском – подъём.
Вокруг – ни двора,
Всё поля, да леса.
И реки впадают в моря.
Всех выше гора под названьем «мечта»,
Всех глубже расщелины зла.
То счастья асфальт, то кольцо забот,
То щебень и гравий от бед.
И каждый, кто здесь только раз пройдёт,
Оставит навечно след.

Здесь часты развилки,
И как нам идти
Решают ни бог и ни чёрт.
И странно – на всём протяженьи пути
Увы, запрещён разворот...

1985.

Гуманоид

Шар Земной разбил окошко дня.
Созвездия осколков режут взгляд.
И кажется, не будет никогда
Над нами Солнца, как пути назад.

Астероид мне спать не даёт,

Рубероид на крыше поёт,

Гуманоид на ухо орёт

песню о любви...

Опять с утра встаёт-поёт заря,
Но мне порою кажется – мы спим.
У тысячи людей вокруг меня
Открытые глаза – это грим.
Но, оторвавшись на мгновенье
От серьёзнейших проблем,
Мы понимаем, что всё время
Были просто ни у дел.
И жаль, что всё имеет свой предел.

Астероид над крышей поёт,

Рубероид свернулся и ждёт,

Гуманоид на помощь зовёт

песней о любви...

Лишь слабый свет в окне увидит глаз.

Лишь слабый след в душе среди зимы.
Не стоит ждать, что день разбудит нас.
Настанет день, когда проснёмся мы.

*Астероид закончил полёт,
Рубероид растаял как лёд,
Гуманоид уже не живёт,
Осталась лишь песня*

о любви...

1986.

Армейские

Восход

Пернатым посвистом крича,
Неспешно Солнце выплывает.
Лучом, как саблей палача
От неба Землю отсекает.
И растекается заря
Как кровотокащая рана.
И просыпается Земля,
Зевая утренним туманом.
Потея едкою росой,
Превозмогая боль и вялость,
Встречает проклятый судьбой
Свой новый день, пустую радость.
И, расставаясь с телом сна,
В бреду и шоке голубея,
Едва шевелится Земля
С кровавой раной на шее.
Лучи – геены провода —
Кромсают мир пустых мечтаний,
И звёзды нервных окончаний
Покорно гаснут. Без следа.

1986.

из тетради по политзанятиям 1986—1988 г.

«В электрическом свете...»

В электрическом свете

ночного холодного «солнца»

Я иду по засыпанной

утренним снегом тропе.

А метель продолжает крутить

свои снежные кольца,

И мне снова мучительно

путает ноги шинель...

Скуку, мысли о доме опять

прогоняю я прочь.

Отчего, почему и за что —

осознать не могу.

Я иду и пронзаю собою

полярную ночь,

Но мой взгляд не проходит сквозь эту

холодную тьму.

Я иду по пустыне, в которой

не хочется пить.

Ветер жжёт мёрзлым снегом меня,

как горячим свинцом.

Если б ты захотела обнять,

я б не смог ощутить.

От мороза слезятся глаза

и немеет лицо.

Над тропею моею

опускаются тучи всё ниже.

В стуже грусти и бурях забот

мне идти нелегко.

Я читаю письмо, и гражданка

мне кажется ближе,

Но, взглянув в календарь,

понимаю – ещё далеко...

1986.

«Не тони в потоке забот...»

Не тони в потоке забот,
И хоть раз на себя оглянись.
Жизнь давно уж куда-то идёт,
А ты толком не понял жизнь.
Что к чему? Для чего? Почему?
Парадоксов бесчисленный рой.
Или я для чего-то живу,
Или жизнь лишь придумана мной.
Память – словно зеркальная гладь,
В ней лишь образы прожитых дней,
И в них я отражаюсь опять...
Иль они отразились во мне?..

Из тетради по политзанятиям (1986—87)

Всё не так!

Вся природа сошла с ума!

Чёрный верх,

белый низ

и горит Луна.

Лишь порой

вспоминаю как детства смех

Мир иной —

чёрный низ,

белый верх...

1987

«И был ясный день...»

И был ясный день,
Яркий солнечный май,
Был праздник тепла и света!
И море лениво
Вздыхало у скал.
И вечным казалось всё это.
Но жизнь так сложна,
Как твой ласковый взгляд,
Как солнечный день и море.
В конце дня всегда приходит закат.
Кто счастлив – тот знает горе.
Я к морю приду:
Прощай, милый друг.
К чему разговор напрасный?
Чем ниже закат,
Тем чудесней вокруг,
Но цвет, почему-то, красный...
Что было со мной,
К чему вспоминать?
Дела и заботы прочь...
Средь ясного дня
Не мог я понять,
Что будет когда-нибудь ночь.
Как быстро и медленно
Падает диск,

Весь день превратив в золу.
Как тысяча лет
Проносится миг.
И вот в море свет утонул.
И я замурован навеки во тьму,
Где нет ни тебя, ни меня.
Лишь в памяти прошлые годы живут,
Лишь звёзды – как отблески дня.

1987.

Писксизм

В тусклом пространстве бумажных обоев,
В камере вечных тревог и потерь
Мы, позабытое племя изгоев,
Тщетно стучимся в закрытую дверь.
Смрад испарений от страсти наживы
Давит нам грудь и стучится в виски.
Мы не мертвы, но уже и не живы,
Вечные пленники собственной лжи.
В чёрные щели гнилого паркета
Вязко течёт бесполезный наш пот,
Что б, истощившись от поисков света,
Нам навсегда улететь от забот.
В вечной ночи голубой наш концлагерь
Мчит, рассекая космический прах.
Выбор, увы, не большой перед нами:
Ад на земле, или ад в небесах.

1988.

Возвращение в жизнь

Банальное

Снова вечер.

Снова встречи.

Снова полон дом непрошенных гостей.

Вновь звучат

пустые речи,

звон бокалов за врагов и за друзей.

И опять я

напиваюсь.

Вместе с ними развлекаюсь до утра.

И для них я

улыбаюсь,

Оставляя яд печали для себя.

А на крышах

ветер дышит,

В сточных трубах тихо плачет талый снег.

Но его

никто не слышит —

в нашей комнате весёлый пьяный смех.

Этот вечер

бесконечен.

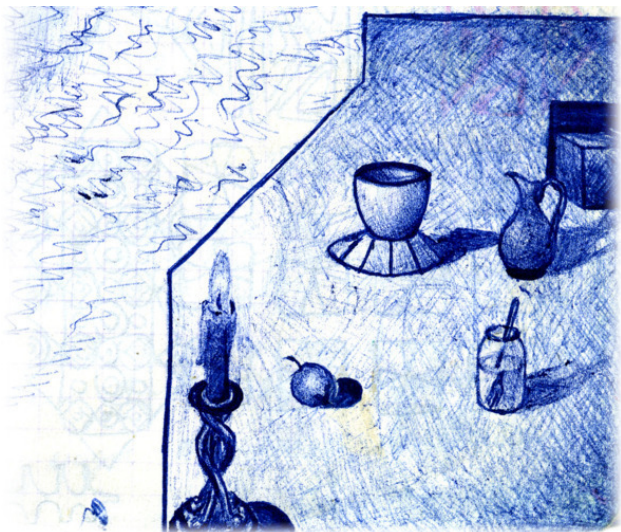
Эта ночь опять без отдыха, без сна.

Эта жизнь —

как наша встреча.

Ярко вспыхнув, она гаснет без следа.

1990.

Металл

С первых дней мы скрипим тормозами,
И всю жизнь мы качаем меха,
И всегда у нас под ногами
Песок из металла, металл из песка.
Горит мартен в чугунном угаре,
Течёт свинец в стальных берегах,
Крик наковальни на каждом ударе,
И искры рассыпаются на медных полях.
Люди бьются за металл,
А я устал.
– Ало, ало! Привет, мой друг!
Твой голос стал металлическим вдруг!
Наверное, твой провод переехал трамвай!
За ним не заржавеет. Другой припаяй.
Скрипит рука, надо смазать сустав.
Привкус солярки на медных губах.
Мы не умрём. Никогда не умрём.
Мы просто очень тихо покатым на слом.
Люди бьются за металл,
А я устал.

1991.

В метро

Открываю глаза
И смотрю, как полосы,
Толкаясь, дрожат в полутьме.
И сквозь них я лечу,
Неподвижный и плоский,
Лечу, отражённый в окне.
Я, наверное, счастлив,
И путь мой не гладкий
У счастья в самом начале.
Но гляжу на себя я
С улыбочкой гадкой,
А в каждом глазу по печали.
С каждым мигом я жду,
Как окрасятся кровью
Полоски, пронзая мой бок.
Но потёртое
«Не прислоняться» с любовью
Щекочет мой тёплый висок.

1998.

Боюсь любить

Ты открываешь мне дверь
И видишь небо без туч,
Но за тобою во тьму
Мой упирается взгляд.
Моя любовь для тебя —
Это солнечный луч.
Твоя любовь для меня —
Это дьявольский яд.
И каждый день всё темней,
Как продолжение сна.
В потоке пасмурных дней
Мне трудно встретить себя.
Я в пожелтевшей листве
Ничьей не вижу вины,
И снова пью в тишине
Настой твоей белены.
Когда похмельный закат
Тебе вонзит в спину нож,
Ты обернёшься назад
И всё, конечно, поймёшь.
Увидишь блеск моих глаз
В ночи тревог и потерь...
Боюсь, напрасно сейчас
Ты открываешь мне дверь.

1989

до тех
столон.
изне
шале-

Собий.

и
эмь.

Части речи

Свет.

Окно.

Ночь.

В кровать.

Гасить,

Открыть,

Впустить

И спать.

Дух.

Мечта.

Сон.

В полёт.

Зовёт,

Поёт,

Придёт,

Несёт.

А утром Солнышко взойдёт,

И будет всё наоборот:

Вставай,

Глотай,

Скачи,

Влезай.

Звонок.

Чайк.

Порог.

В трамвай.

Крутить,

Сжигать,

Платить,

Хватать.

Болты.

Мосты.

По три.

По пять.

Из кожи лезть и с ног слетать,

Что б ночью лечь спокойно спать.

1996.

«Когда-то ты умел мечтать...»

Когда-то ты умел мечтать

О том, что будет.

Хотел любить, хотел играть

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.